

*Е. В. Мищенко
Новосибирск*

«ПОЛЯРНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ»: ПАЛИМПСЕСТ БРОДСКОГО

Все собаки съедены. В дневнике
не осталось чистой страницы. И бисер слов
покрывает фото супруги, к ее щеке
мушку даты сомнительной приколов.
Дальше — снимок сестры. Он не шадит сестру:
речь идет о достигнутой широте!
И гангрена, чернея, взбирается по бедру,
как чулок девицы из варьете.
22 июля 1978

(3, 169)

На первый взгляд, стихотворение представляет собой зафиксированный с кинематографической точностью эпизод из жизни покорителей полюса. Все детали вполне узнаваемы: собаки съедены, дневник испещрен записями, сам исследователь поражен гангреной и обречен, однако не сдаётся и спешит запечатлеть сделанные открытия на любых листках, включая фотографии близких. Да и само название — «Полярный исследователь» — провоцирует прочитать текст в героическом ключе. «Это стихотворение, несмотря на свою краткость и дистанцированность от жизни автора, убедительно свидетельствует об одной из самых привлекательных личностных черт зрелого Бродского — о его мужестве»¹.

Существует и философская трактовка стихотворения, в основе которой — «идеи экзистенциализма. Онтологическое одиночество человека иллюстрируется упоминанием фотокарточек родственников, имеющих лишь утилитарное значение для лирического персонажа. Относительность временных и пространственных параметров выражается через “сомнительность даты”, ставящей под вопрос существование прочих персонажей стихотворения вообще. Кроме того, сам лирический персонаж находится в тройной “пограничной ситуации” близости смерти (характерный для Бродского прием “нагнетания”): полярный холод, отсутствие пищи, болезнь. Впрочем, если отвлечься от названия, становится понятно, что любой человек находится в положении “полярного исследователя” в течение всей своей жизни, постоянно трансцендируя в неизведанные области, хотя, казалось бы, дальше уже некуда»².

Но только ли мужество полярников, совпавшее с предошущением автором собственной смерти, вызванной болезнью сердца, или переживание им онтологического одиночества создали эти образы?

Уже первая фраза «Все собаки съедены» указывает на смысловую неоднозначность стихотворения. Помимо буквального значения, мотивированного исходной сюжетной ситуацией, она содержит семантику фразеологизма «собаку съесть». Тем самым восприятие переводится с фактологического уровня на языковой. Образный ряд — *дневник, чистая страница, бисер слов* — усиливает ощущение того, что главная драма разыгрывается не за текстом посредством языка, а в самом языке, разворачивающемся в пространстве текста.

Мотив замерзания, важный для поэзии Бродского и играющий в данном стихотворении ключевую роль, не раз отмечался исследователями. Так, Д. Н. Ахапкин заметил, что «север оказывается источником речи, которая возникает просто в силу необходимости согреться, а холод — учителем поэта»³. В другом «северном» стихотворении «Север крошит металл, но шадит стекло...» из цикла «Часть речи» (1975—1976) акцентирован метатекстуальный план: «Стихотворение оказывается метатекстуальным, оно описывает творческий процесс, создание стихотворения, и заканчивается там, где начинается тот текст, создание которого оно описывает — на слове “прощай”, чернеющем на белом фоне»⁴.

Стихотворение «Полярный исследователь» во многом продолжает «Север крошит металл...» и в единстве с ним образует своеобразный диптих. Метатекстуальный план присутствует в обоих стихотворениях: герой пишет некоторый текст. Причем первый текст завершается тем, с чего начинается второй. В финальной строке стихотворения из «Части речи» названо имя полярного исследователя — Г. Я. Седова, погибшего на пути к Северному полюсу⁵, а «Полярный исследователь» фиксирует акт письма, начатого еще в «Север крошит металл...».

Дистанция между автором и героем достаточно условна: их сближает не только создание текста в пограничной ситуации⁶, но и «женская тема». Интересно, что в стихотворении «Север крошит металл...» с мотивом замерзания связан также отмеченный А. М. Ранчиным любовный подтекст⁷. В «Полярном исследователе» этот «любовный подтекст» в буквальном смысле оказывается *под текстом* — записи героя располагаются поверх снимков жены и сестры. При этом «женская тема» последовательно проводится через весь текст, варьируясь в образах *жены* («бисер слов / покрывает фото супруги»), *сестры* («он не шадит сестру»), *девицы* («как чулок девицы из варьете»). Если принять

во внимание дату написания стихотворения (эта деталь акцентирована в тексте — «мушку даты сомнительной приколов»), то становится понятна причина такой хронологической точности — 22 июля 1978 г.⁸ Этим же числом датировано стихотворение «Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...» с посвящением «М. Б.». Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным: 20 июля 1978 г. отмечала свое 40-летие М. Басманова. О знаковости этой «сомнительной даты» для Бродского говорит тот факт, что двумя годами позже он осмысливает в стихах уже свое сорокалетие («Я входил вместо дикого зверя в клетку...»).

Нельзя не заметить снижения женских образов: они не только опредмечиваются, но и стилистически маркируются (глагол «покрывает», выделенный enjambement'ом, низводит супругу до уровня «девицы из варьете»). Примечательно, что в стихотворении к М. Б. «ты» также овеществляется (но в силу не индексальной, а иконической связи между объектом и знаком): «Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной / струн...» (3, 170). Вместе с тем «ты» наделяется голосом («спой мне песню о том»). Заметим, что в любовной лирике, посвященной М. Б., «ты» часто связывается именно с голосом — наваждением «в форме нехватки текста / при избытке мелодии» (3, 252) (см., например: «Элегия» («Подруга милая, кабак все тот же...»); «Элегия» («До сих пор, вспоминая твой голос, я прихожу...») и др.). В то же время себя лирический субъект соотносит со «слухом» и «словом», а сам процесс создания текста становится превращением лирического «я» в текст. Жизнь текста (и его автора) предполагает утрату человеческого «я» в тексте. Оба эти процесса происходят одновременно, что нашло воплощение в знаменитой формуле Бродского:

От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.
(3, 143)

В «Полярном исследователе» идея перевоплощения лирического субъекта в текст также реализована: «Кроме семантики очень мелких графических знаков, написанных бисерным почерком, ассоциативная связь бисер — письменность актуализируется еще одним немаловажным семантическим компонентом — мотивом плетения. Бисер плетут, в результате чего мелкие бисеринки, повинувшись воле мастера, образуют новый неповторимый узор. В стихотворении “Полярный исследователь” семантически многоплановый образ создания письменного текста как плетения словес из бисера графических символов реален и яркок: “Все собаки съедены. В дневнике / не осталось чистой страницы. И бисер слов /

покрывает фото супруги...» В нем заключена надежда лирического субъекта на перевоплощение своей сущности в сплетенное посредством бисера слов письменное сообщение»⁹.

Интересно не только то, что в стихотворении любимая мысль Бродского развернута в полярный сюжет, но и то, что она связана с любовной темой: чернеющая гангрена, пожирающая героя, странным образом напоминает бисер слов, покрывающий фото супруги и сестры. Два этих процесса — болезнь и письмо — одновременны и ассоциируются с женскими образами. Бродский «расшифровывает» их в стихотворении «Строфы» (1978), сопровождаемом посвящением «М. Б». Мотивы Севера и письма представлены здесь в метафоре «полюс языка»:

Ты не услышишь ответа,
если спросишь «куда»,
так как стороны света
сводятся к царству льда.
У языка есть полюс,
где белизна сквозит
сквозь эльзевир; где голос
флага не водрузит.

(3, 184)

Образ письма, пожирающего прошлое и будущее, разворачивается в XII строфе:

Право, чем гуще россыпь
черного на листе,
тем безразличней особь
к прошлому, к пустоте
в будущем. Их соседство,
мало суля добра,
лишь ускоряет бегство
по бумаге пера.

(3, 184)

Это связывается с идеей «достигнутой широты», «дальнозоркости», понимаемых как прозрение духовное:

Так и портится зренье:
чем ты дальше проник;
больше, чем от старенья
или чтения книг.

(3, 182)

Близкие и родные люди в «Строфах» («все, кто далече, / по ком голосит тоска»), как и в стихотворении «Полярный исследователь», суть «жертвы законов речи, / запятых, языка», родство с которыми сродни болезни («друг к другу мы / точно оспа привиты / среди общей чумы»). Интересно, что в «Строфах» упоминается и «бисер» («Видно, сильно превысил / свою роль свинопас, / чей нетронутый бисер / переживет всех нас»), который может отсылать к тексту Евангелия — Нагорной проповеди и эпизоду изгнания бесов из бесноватого.

К драме, воссозданной в «Полярном исследователе», вполне можно отнести слова Бродского из «Нобелевской лекции»¹⁰. Евангельская по сути идея добровольной жертвы составляет семантическое ядро этого стихотворения. В жертву языку пишущий приносит себя и свой мир. Этот мир в лучшем случае превращается в песню:

...спой мне песню о том, как шуршит портьера,
как включается, чтоб оглушить полтела,
тьень, как лиловая муха сползает с карты
и закат в саду за окном точно дым эскадры,
от которой осталась одна матроска,
позабытая в детской, —

(3, 170)

но чаще — в вещь, фотографию, на которой поверх изображения любимого человека пишется новый текст — стихотворение.

¹ *Русова Н. Ю.* За Полярным кругом // Иосиф Бродский в XXI веке. СПб., 2010. С. 232.

² *Столетов А. И.* Философия и поэзия: точки пересечения // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (Философия). 2007. Вып. 11(74). С. 22.

³ *Ахапкин Д. Н.* «Север» в поэзии Иосифа Бродского // Северный текст в русской культуре. Архангельск, 2003. С. 93.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Возможно и другое прочтение этого образа — ледокол «Седов», совершавший в 1937—1940 гг. дрейф через Центральный Арктический бассейн. Однако переключки со стихотворением Н. Заболоцкого «Седов» (1937), опознаваемые в «Полярном исследователе», указывают на то, что речь у И. Бродского идет все же о человеке. Там, где Заболоцкий рисует образ умирающего полярника в героическом ключе, Бродский уходит от патетики, снижая эмоциональный и стилистический планы стихотворения.

⁶ С ранних лет страдая пороком сердца, Бродский жил «с ощущением, что смерть постоянно рядом — может прикончить, а может и пощадить» (Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М., 2006. С. 268).

⁷ Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М., 2001. С. 348.

⁸ Хронология жизни и творчества И. А. Бродского / Сост. В. П. Полухина при участии Л. В. Лосева // Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. С. 369.

⁹ Орлова О. В. Коммуникативные аспекты лексической репрезентации концепта язык в лирике И. Бродского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. С. 18.

¹⁰ «Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации» (1, 15—16). Ср.: «Дорогая, несчастных / нет! нет мертвых, живых. / Всё — только пир согласных / на их ножках кривых» (3, 183).